

Герои Чесмы

Двести лет назад, 24—26 июня (5—7 июля) 1770 года произошло крупнейшее морское сражение, которое вписано золотыми буквами в историю русского военного флота. В Чесменской бухте был разгромлен турецкий флот. Чесменский бой был одним из важнейших событий во всём ходе русско-турецкой войны 1768—1774 годов.

Вот как он произошёл.

После того, как А. Орлов взял на себя командование русским флотом, состоящим из двух эскадр — Спиридова и Эльфинстона — перед соединённой русской эскадрой встала стратегическая задача: не дать турецкому флоту ускользнуть через Дарданеллы в Мраморное море, а нагнав его, заставить принять генеральное сражение, в котором уничтожить главные морские силы турок. Это повело бы к полному господству русского флота в Архипелаге и освобождению от турецкой зависимости островов, населённых греками. Были также цели блокировать морские пути и этим нарушить всю торговлю Турции с Западной Европой и между отдельными частями Османской империи.

Разведка — морские суда греческих патриотов — установила, что весь турецкий флот находится между островом Хиос и малоазиатским берегом. Передовой отряд капитана Грейга на корабле «Ростислав» с двумя небольшими фрегатами подтвердил это. На утро 24 июня было решено атаковать врага.

Русские моряки знали, что численное превосходство на стороне турок. В русской эскадре находилось 9 линейных кораблей, одно бомбардирское судно, несколько фрегатов и разные мелкие суда. Встав в линию, корабли имели бы с одного борта около 300 орудий. У турок имелось 16 линейных кораблей, четыре больших фрегата и до 50 судов галерных и транспортных. Они могли встретить русских огнём почти 700 орудий с одного борта. Но это не испугало русских моряков, которые были охвачены единым порывом к быстрому и сильному удару, волей к победе. Они знали слабые стороны противника. Переславец, капитан первого ранга Степан Петрович Хметевский, командовавший кораблём «Три святителя», так описывал вражеский флот: «Турецкие корабли на ходу весьма легки, кормы имеют высокие, украшены резьбой и хорошими красками и золотом, внутри же кораблей чистоты не имеют и около себя неопрятны. Артиллерия неисправна, имеет многие недостатки, палят не часто и не горизонтально и больше бьют по стенам, нежели в корпус корабля».

В 4 часа утра 24 июня эскадра стройно и грозно двинулась за флагманским кораблём «Три иерарха». Она вошла в Хиосский пролив. Около 9 часов утра эскадра находилась в трёх милях от противника.

Турецкий флот стоял на якоре перед Чесменской бухтой, построенный в две линии выпуклой дугой, обращённой к югу. Против него русские суда для атаки построились в линию баталии, состоящую из авангарда, середины построения и арьергарда. Командовал авангардом адмирал Григорий Андреевич Спиридов.

Приказ требовал не открывать огня раньше чем с дистанции pistolетного выстрела, то есть почти борт о борт.

В половине одиннадцатого утра авангард двигался уже прямо на врага, а ещё через час подошёл на расстояние 600 метров от линии неприятеля. Турки не выдержали и открыли беспорядочную пальбу. Русские не отвечали. «Только подошед на 80 сажень [171 м] к неприятелю, — записал Хметевский в своём дневнике, — который давно по нас палил, начали с обеих сторон жестокою пальбу». Стреляли турки много, но беспорядочно, целясь по рангоутам и парусам, рассчитывая, что повреждение снастей затруднит маневрирование и атаку кораблей. Но

*Васильев, С. Д. Герои Чесмы / С. Д. Васильев // Коммунар. — 1970. — 7 июля. — С. 2—3.

когда почти в упор три русских передовых корабля тремя залпами ударили по врагу, ни один из орудийных зарядов не пропал, все легли кучно в густую шеренгу турецкого флота, и огонь передних турецких кораблей стих.

Адмиральский корабль «Святой Евстафий» почти вплотную подошёл к кораблю «Реал-Мустафа» и открыл яростный артиллерийский огонь, нанося серьёзные повреждения и сильнейший урон в людях. Спиридов на шканцах со шпагой в руке то показывался, то исчезал в густых клубах едкого порохового дыма.

За адмиральским кораблём шёл Хметевский. Его «Три святителя» вели огонь из орудий обоих бортов. «Четыре корабля от 80 до 90 пушек и большую шембеку сбил один по одному, а приближаясь к первому от капитан-паши турецкому кораблю в расстоянии не более десяти сажень, заставил неприятеля молчать, так что многие турки побросались в воду», — записал Хметевский в своём дневнике. Корабль «Три святителя», пойдя в строй турецкого флота, разил противника огнём своих орудий с обоих бортов, сделав более 600 выстрелов. Сам Хметевский, раненный осколком ядра в голову, мужественно управлял боем и до конца оставался на своём посту, подавая пример матросам.

Постепенно в бой втянулась вся эскадра. Ни расстояние, ни дым не мешали русским канонирам наводить орудия на корпуса турецких судов и наносить им серьёзный урон.

Центр боя оказался там, где действовал адмиральский корабль «Евстафий». Он подошёл вплотную к флагманскому «Реал-Мустафе» и приготовился к abordажу. По снастям и реям русские матросы перескочили на вражеский корабль, чтобы его захватить в плен. Но корабль загорелся. Паника охватила турок. И вдруг на него со всех сторон с криками «ура!» устремились русские моряки и солдаты. Произошла короткая рукопашная схватка. Не выдержав её, оставшиеся в живых турки бросились за борт, спасаясь с захваченного и воспламенившегося судна. Пламя перебросилось и на «Евстафия». Попытки потушить пожар оказались тщетными и Спиридов свой флаг перенёс на «Три святителя».

Вскоре раздалось два оглушительных взрыва, сначала на «Евстафии», а через несколько минут на «Реал-Мустафе». Горящие обломки и искры засыпали турецкие корабли.

Мужество оставило турок. Их передние корабли, не выдержав натиска русских, беспорядочно устремились к Чесменской бухте. Был поднят сигнал общей погони, и русские, тесня отступавшего врага, преследовали его до входа в бухту. К двум часам дня сражение в его первой части окончилось. Русская эскадра блокировала вход в бухту, где столпились вражеские корабли.

В пятом часу дня Орлов собрал совет флагманов и командиров. «Легко мне было предвидеть, — говорил Спиридов, — по знанию моего морского искусства, что сие их убежище будет и гроб их». На совете решено было сжечь турецкий флот.

«И тако, не мешкая нимало... дал диспозицию для сожжения всего турецкого флота», — вспоминал Спиридов.

Для атаки были использованы бомбардир «Гром», 4 линейных корабля, два фрегата и брандеры, наполненные горючим и взрывчатым материалом. Орудия были заряжены зажигательными снарядами-брандскугелями.

Наступила полночь с 25 на 26 июня. Русские корабли открыли огонь. От первого же снаряда загорелся большой турецкий корабль в середине передней линии, и пламя вскоре стало передаваться на другие суда, осветив центральный участок бухты. Создались благоприятные условия для ориентировки брандеров. Вскоре турецкие корабли запылали, и среди них начались взрывы. В короткое время огонь охватил до 40 судов. Взрывы следовали один за другим. Исполинское зарево встало над бухтой, превратившейся в огненный котёл. Грохот был так силён, что его слышали в нескольких десятках вёрст, в Смирно.

В девятом часу утра 26 июня всё было кончено: сожжено и взорвано 15 линейных кораблей, шесть фрегатов, шесть корветов или шебек, 40 других военных и транспортных судов, взяты в плен 66-пушечный корабль «Родос» и шесть галер. Русский десант захватил на береговых батареях Чесмы 22 пушки. Турецкий флот в битве при Чесме был уничтожен, и адмирал Спиридов, с торжеством и гордостью за русских людей и русское оружие, доносил президенту Адмиралтейств-коллегии: «Слава господу богу и честь Всероссийскому флоту! С 25 на 26 июня неприятельский военный турецкий флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали быть во всем архипелаге... господствующи».

За Чесменский бой адмирал Г. А. Спиридов был награждён орденом Андрея Первозванного и получил земли в Переславском уезде — село Нагорье с деревнями. В 1774 году он вышел

в отставку и поселился на Переславщине. В нашем музее хранятся дорогие реликвии Чесменской победы: наградной хрустальный кубок Спиридова, его портрет, картины Чесменского боя, исполненные по рассказам адмирала его крепостным художником, и вещи с корабля «Евстафий». В селе Нагорье установлен памятник выдающемуся флотоводцу. К сожалению, другой Chesmenec С. П. Хметевский забыт: в Никитском монастыре исчезло даже его надгробие. Оно требует восстановления.